

Затмение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дьякон Святой

18+

Дьякон Святой
Затмение

«Автор»

2024

Святой Д. Д.

Затмение / Д. Д. Святой — «Автор», 2024

В "Затмение" читатель погружается в мрачный мир, где бездушная тьма и зависимость от наркотиков крепко завладели душами людей. Рассказчик, сам ставший заложником своего выбора, делится своей историей падения, от воровства до тюрьмы. Через призму страха, отчаяния и борьбы он пытается осознать свои действия и уничтожить любовь к наркотикам, которая всегда была рядом. Повествование пронизано мрачным реализмом и глубокими размышлениями об утрате, надежде и искуплении. Эта книга — не просто рассказ о зависимости, а предупреждение о том, как тонка грань между жизнью и уничтожением себя.

© Святой Д. Д., 2024

© Автор, 2024

Дьякон Святой

Затмение

Улицы забвения

Здесь, в этой чёрной бездне, где фонари не светят, а лишь дразнят бледными остатками надежды, я пытаюсь выжить. Город – это не картинка на открытке, это дерьмо, которое воняет так же зловонно, как и моя жизнь. Я слышал, как люди говорят о мечтах и светлом будущем, но здесь, в этой части города, где меньше всего туристов и больше всего беглецов, о таких вещах предпочитают не вспоминать.

К тому времени, когда гора мусора скапливается до такого состояния, что её начинают игнорировать даже крысы, мне всё равно. Я стою на углу, скрещивая руки на груди, пытаюсь согреться от пронизывающего холода. Вокруг меня – растрепанные личности, скрывающие свои настоящие лица под слоем затянутых курток и ослепительных улыбок – так далеки они от самого себя, так далеки от жизни. Сколько раз я видел, как мечты становятся прахом, и столько же раз пытался убежать от этого, лишь чтобы оказаться в той же трясине.

Сегодня вечер, и это значит, что на улице появится больше народу – тех, кто готов обменять свою душу на пару дешевых таблеток. Бросаю взгляд на старую вывеску «Ночной клуб», которая когда-то пела о весёлых вечеринках, а теперь лишь притягивает к себе разочаровавшиеся жизни. Заведение, заполненное тёмными уголками и затянувшими пыли палатками, становится притоном для таких, как я. Я свожу все усилия к тому, чтобы не выглядела слишком отчаянной – даже если внутри меня всё разрывается.

– Эй, чё смотришь? – спросил меня незнакомец, его голос был грубым, словно он сам вырезал его из грубой древесины.

Я лишь пожал плечами, не собираясь тратить свой последний вздох на разговор с кем-то, кому не важна даже его собственная тень. Но он продолжает – эгоистично, эгоцентрично, будто его слова могут дать ему хоть каплю значимости.

– Ты же понимаешь, что это не то место, где можно остаться без вещей? Ночью тут холодно, и надо быть на чеку, брат.

Он прав, но как я могу объяснить, что я уже давно не чувствую холода, а только пустоту, которую несёт с собой каждый вечер? Я отвечаю, но слова застревают в горле; у меня нет сил.

Как будто чувствуя застоявшуюся тишину, вокруг начинают появляться сменные лица, лица, которые выдают себя за нормальных, но внутри них – только пустота. Почти околдован-

ный их обаянием, я не могу отвести взгляд от девушки, стоящей по ту сторону улицы. Она опускает голову, трясёт старую брошенной курткой, и я понимаю – её бросили даже те, кто ещё вчера пытался её спасти.

Мои мысли перетекают в мрачные глубины, где страх и тревога держат в плену плечи. Я начинаю осознавать, как зависимость влияет на моего хозяина, как наркотики разлагают всё, что я когда-то знал и чувствовал. Однако механическая жизнь продолжается: одна таблетка, другая, а потом ещё и ещё. Это как снег: сначала с интересом, а потом сплошной ком, который расплзает твои ноги.

Я потянулся к карману, где хранились последние деньги. Вдруг на меня накатил волна отчаяния, притянув ко дну. Важно ли, что меня ждёт впереди? От этого уже нет ни радости, ни страха. Лишь свет исчезающий, как утренний туман.

Я снова взглянул на улице, прощаясь с иллюзией. Пространство вокруг меня заволокло темнота, и то, что кто-то называет жизнью, медленно уходило в запутанное далеко. Я тут не один – мы все похожи, как молоко и кофе. Один разросшийся налёт зависимости и растерянной надежды – мы тут, среди теней, проходим сквозь этот мрак, отказываясь вернуться назад.

Я поднял голову и увидел, как фонари начали мигать. В этом свете я понял – легко слиться с тенью, но трудно выбраться. Только тени говорят правду о том, кто мы есть на самом деле. Это была не просто реальность, это была судьба.

За гранью света

Часы тянулись словно сдавленные нити, когда вечер медленно переходил в ночь. Ночная жизнь расправлялась крыльями, охватывая район, но я всё ещё оставался в своей тени – наблюдателем, не участником. Ушные раковины наполнились громкими звуками – лай собаки, шепот, хмурое ругань. Это был фон моей жизни, который можно было не замечать, но он оставлял после себя неприятный осадок. Каждый шорох, каждый шёпот кто-то переосмыслил и каждый выстрел заставлял меня чувствовать себя всё более незащищенным.

Заброшенные здания дразнили меня своим внешним убожеством. Потёртые стены – как метки на коже, они кричали о несостоявшихся мечтах. В них больше не было остающейся надежды – только трёхцветный хаос: бордовый, серый и чёрный. Я прошёл мимо узкой улочки, которая, как древний мост, соединяла место моего существования с местами, где жизнь ещё мерцала на грани исчезновения.

Я позволил себе несколько шагов, врага в лотерее жизни в надежде, что кто-тоянет мне свои руки. Более интересным было лишь находиться не в тени, а в тёмной симфонии с другими. Но, как это часто бывает, тепло не появилось. Ни в одной из дверей, на которые я стучал. В этом городе добро и счастье были лишь словами, которые смешивались с дуновением ветра, о которых наглядно никто не говорил.

Я заглянул в клуб, текучий и пульсирующий, с подвешенными над площадкой телами. Там музыка резала уши своим ритмом, который барабанил в сердце. Люди вглядывались друг в друга и отрицали, что нарушают свои внутренние коды, пряча страхи за улыбками. Как же легко они попадают в ловушку, полной блеска и безумия, когда каждая таблетка обещает неуловимую свободу.

Я нашёл себе угол неподалеку от лица запутанной толпы, пытаюсь наблюдать и вдыхая раскаленный воздух, который поджигал моё сознание. Я пытался вспомнить, когда в последний раз чувствовал радость, но мысли ускользали от меня, как мыльные пузыри, лопающиеся в глухом мирном тишине. Каждый человек вокруг играл свою роль, создавал иллюзию веселья и забавы, но я знал правду – ничего не было настоящим.

Я взглянул на дядю, который, казалось, не покидал это место уже целую вечность. Его тощее тело двигалось так, словно оно было марионеткой в руках своей зависимости, ставшей его единственной семьёй. На его губах блестел след выступающей жидкости, словно морская пена, заполняющая трещины. Я знал, что у него не осталось ни одного выхода – не только к свободе, но и к самой жизни. Его глаза были затуманены, и в них больше не осталось человека – только тень, часть самого хаоса, заключённого в серую массу.

В этом момент я ощутил, как пустота внутри меня стала ещё более насыщенной. Я начал понимать: зависимости – это не просто физическая привязанность, это нечто большее – это страх потерять то, что стало частью себя. Я увидел через мрак свои внутренние демоны – искушения, которые звучали так же громко, как тот самый ритм, проникающий глубоко в душу.

Внезапно мне показалось, что весь этот мир вращается вокруг меня, пытаюсь свести обоих на нет. Я поднял руку, не заметив того, как она дрожит. Я знал, что это – лишь проверка на прочность. Я позволил себе взглянуть в глаза других: кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то злился, но все выглядели так, будто были потеряны.

Пока ночная жизнь продолжала метаться в водовороте звуков, я ощутил отчаянное желание стать частью этой мрачной симфонии. Я сделал шаг вперёд, сталкиваясь с тем самым дядей, чьи глаза стали для меня зеркалом. Что-то внутри меня вскрикнуло и закричало, но я молчал, поддаваясь ритму, который так сильно затягивал. Увлечённый магией, что казалась хоть малейшей искоркой света, я заново подыскивал способ избежать мизерности своей судьбы...

И всё же, каждый раз, когда я пытался вырваться из этой тёмной сущности, она застёгивала вокруг меня свои цепи. Я вновь впадал в полное молчание, во вздохе отражался страх и забвение. Я понимал – за каждым углом ждал лишь ещё один день, когда я опять окажусь в цепких лапах и вновь попрошу себя выжить в этом городе с разбитыми окнами и сердцами.

Пьеса на мрачной сцене

Свет из колонок бил в уши, будто мощный тенор, пытаюсь заглушить все томления, накопившиеся в моём сердце. Я медленно откатывался к задним рядам зала, позволяя музыке смеяться над своей внутренней борьбой. Каждый её бит всегда навсегда придавал мне смелости – не той, которой я когда-то обладал, а какой-то абстрактной, отрезанной от реальности, как нарисованное на стене граффити, ещё свежеевыкрашенное, но скоро облупится под тяжестью дождя.

Среди толпы я обнаружил себя на грани бесплодного существования. Всё казалось однообразным, рутинным, как прогорклый пузырь на закуску. Это замкнутое пространство притягивало людей, как черные дыры – всему свету, и каждый, кто входил сюда, привносил часть своего душевного разорения на этот танцевальный холст. Мужчины с израненными руками, женщины с провалами под глазами, когда-то блестящие, как луна, теперь казались лишь тёмными пятнами на фоне сквозящего хаоса.

Я наткнулся на старую знакомую, Лилю, которая пела там, где когда-то смеялись. Она была живым олицетворением угнетённой надежды, черепаховой скорлупой с треснувшей раковиной, но в её взгляде всё ещё жила искра.

– Ты опять здесь, – сказала она, сначала с улыбкой, но вскоре её губы дрогнули, и на них замечались следы грусти, которую она не могла скрыть.

– А где же ещё? – отозвался я, произнося слова почти механически. – Мир за этим предрвом не намного лучше.

Лиля хмыкнула, и её взгляд пробежал мимо меня, как будто она искала что-то, что давно потеряла в повседневности.

– Знаешь, – произнесла она тихо, – скоро придёт утро, и мы снова будем здесь. Но, пока мы остаёмся в этом миражном свете, давай попробуем забыть.

С каждым словом я ощущал, как мёртвая кожа вокруг меня затвердела. Я не искал утешения, но иногда слышать о том, что кто-то разделяет твою боль, было почти как наркотик. Это было примитивное желание – ощущение, что кто-то чувствует то же, что и ты, хоть на миг, хоть в этой тёмной бездне.

С горькой усмешкой я посмотрел сквозь серую дымку на танцующих. Их движения были рассеянные, однако единственное, что сводило их в единую массу, – это следы зависимости, темные тени, уводящие их в бездну забвения. Каждая таблетка отнимала ещё одну долю их человечности, разбивая на кусочки их прежние истории.

Лиля снова повернулась ко мне, и её глаза искали ответы среди обломков. Она покачала головой, как будто пыталась сбросить с себя ярмо осознания:

– Я не могу больше так, – прошептала она, и даже в этом шёпоте я чувствовал пустоту. – Проблема в том, что я не знаю, что будет дальше.

Я пытался отыскать в её словах что-то вдохновляющее, что-то, что способно вернуть мне надежду, но в замедленных кадрах клубного света я осознавал – она не искала утешения; её слова были лишь ещё одним криком в пустоту.

Словно играющие куклы на порванных струнах, мы продолжали кружиться по этому танцполу тени. Ночь накрыла нас, как накидка из заплесневелой ткани. Мы, растворяясь в беспечности, кружились вместе со светом, но в глубине души ощущали, как от нас отдаляется жизнь.

Упрямо желая избавиться от этого непосильного груза, я отпустил свой страх, позволив ему раствориться в бесформенном смоге, во мгле – в том месте, где я всё равно не имел никаких шансов на спасение. Я понимал, что даже если мне удастся отвлечься, утро всё равно снова настигнет нас, и мы окажемся один на один с этой проклятой серостью.

Снова сверкнули мигающие лампы, и меня накрыло ощущение, что все эти глаза смотрят на меня, как будто в них двигался лишь страх – страх, который мы носили на своих пустых лицах. Я встал, закрыв глаза и почувствовав, как моё сердце всё больше застывает в бездне отчаяния.

Пока я двигался к выходу, звуки продолжали разливаться за спиной, как остатки смеха, зовущее меня вернуться, но я знал – это не могло стать спасением. Нога за ногой, мысли о сброшенной тяжести обрывались в воздухе. Я ещё раз взглянул на эту мифическую картину, которая когда-то кажется живой, и пошел, не осознавая, что в этом ужасе всё равно нельзя утонуть.

Город продолжал свою игру, а я всё больше удалялся от себя и собственного будущего, теряя в тумане свои последние обрывки иллюзий. Каждый день – это выбор, но в этот миг я понял: для меня уже не имеет значения, остаюсь ли я здесь или исчезаю за порогом вечной ночи.

Лабиринт безысходности

Пробираясь по извивающимся улицам города, я ощущал, как мрак накрывает меня, как темный плащ, который становится второй кожей. Ночные огни, вляпанные в грязь и неоновые вывески, служили миражами в моем сознании, создавая иллюзию выборов, но на деле я всё больше понимал, что мы все заперты в одном и том же лабиринте. Каждый обернулся, чтобы обнаружить себя опять там, где начинал, и лишь бесконечность развлекала нас.

Я направлялся к «подвалу», заведомо известному местечку, куда сгонялись такие же разочарованные и потерянные люди, как и я. Это было место, где можно было найти временное облегчение, хотя знали мы все: это – лишь порочный круг, который снова и снова затягивает нас, как извивающаяся змейка.

Когда я вошел в этот мрачный заброшенный склад, мне стало холодно от шепчущих теней, уютно устроившихся в углах. Неприятный запах – смесь пота, алкоголя и сгоревшего табака – пронизывал воздух, создавая гнетущую атмосферу, в которой случайные разговоры о жизни казались куда более пыльными, чем сами впитывающие стены.

Тут был тот самый черный угол, куда я стремился попасть, как к горячей чашке кофе. Я нашел свою старую компанию – такие же клоуны в этом спектакле без надежды. Круг друзей прошептался сквозь дым, деля между собой последние хлопья лжи о завтрашнем дне. Я присел рядом с ними, стараясь укрыться от тех слов, которые обжигали, как раскаленные уголья, оставляя следы на моем сердце.

Один из них, Костя, достал из кармана пару таблеток, его глаза загорелись, как новогодние огни. Он подмигнул мне, словно обещая, что это – единственный способ спастись от той бездны, куда мы все уселись. Он, как и все, знал, что наш единственный выбор в том, чтобы

убежать от своей жизни, и он настолько неподвижно и безразлично справлялся с этой задачей, что волнение в его тоне показалось мне смешным.

– Брат, что скажешь? – спросил он, но в его просящем взгляде не было ничего живого.

– Я не думаю, что это спасение, – ответил я, хотя сам чувствовал, как внутри меня зарождается дикое желание принять этот легкий выход.

Испугался ли я того, что соблазн столь велик? Или же просто продолжал ненавидеть себя за безмолвное существование? Я понимал, что каждый из нас играл свою роль, все мы были никто; в этом мире счастье обходило нас стороной, словно как призраки.

Мир вокруг меня замедлялся, и клубные звуки сливались в одну мелодию – попытки забыть, попытки вернуть потерянное время. Я поборол собственную борьбу с тенью, но не знал, сколько ещё могу держаться. Моя рука заскользнула к карману, и я неожиданно обнаружил там небольшой пакетик с порошком. Я не помнил, когда именно он оказался у меня, но понимал – это была последняя соломинка на моем пути к потере.

– Что, опять сомневаешься? – Костя покачал головой, но в его голосе невозможно было уловить осуждения.

Как бы далеко я не зашёл, пришло смутное осознание: даже если этот путь и был лёгким, он вёл лишь к мрачным ступеням, покрытым пылью страха и потерь. Я чувствовал, что вскоре буду стоять на краю, осознавая, что единственное, что меня ждёт – это бездна.

Наконец, я закрыл глаза и, чувствуя всеобъемлющую безысходность, напомнил себе, что нет выхода, кроме тех, которые ведут в темные уголки. Я поднял пакетик, и сердце забило быстрее. Я не знал, какой из этих шагов станет последним.

Я открыл глаза и вспомнил о светлых моментах, которые, казалось бы, оставались в прошлом. Но свет угас, и, как всегда, меня овладело понимание – больше не будет счастья, более не будет надежды. Один единственный шаг назад – и я всё равно снова столкнусь со своим отражением в этой брэнной реальности.

В этот миг я понял – зависимость не только в наркотиках; это – полное слияние с отчаянием. Я встретил свои страхи лицом к лицу, и они, как это обычно бывает, не оставляли в живых.

Словно в крови, разгорелось пламя. На этот раз я знал – я не просто предавал себя, я предавал всех тех, кто пытался выжить в этом мрачном зале. Я потерял их борьбу, но не смог освободиться от своего одиночества.

Ночь продолжала длиться, и подгнивший мир вокруг затягивал меня в свои объятия, как холодный вьюг. Я остался стоять на пороге, но выход был всегда за пределами.

В тени искушения

Сквозь пелену дыма и массы лиц, узников собственных жизней, я ощутил, как тьма, словно плотная вуаль, обнимает меня все глубже. В пустоте, что тянула за собой, поросла рас-

тельность из страха и боли, разъедала меня изнутри. Я смотрел на друзей, но их лица казались мне чуждыми, искажёнными. Ни один из нас не собирался скрывать свои настоящие лица, но, возможно, это было лишь на время.

Я оставался на краю, и уверенность в том, что я споткнусь в пропасть, становилась пугающей знакомой. Я знал, что тот пакетик в кармане – это точка невозврата, то самое «прощай», что несёт в себе горькое обещание освобождения. Мы все были на грани, как зажжённые спички, готовые к сгоранию; каждый из нас искал момент, когда исчезнет страх перед тем, что мы стали, уступая места призракам, которые навеки заполнили наши души.

Костя снова потянулся ко мне, его рука аккуратно шевельнула пакетик в сторону – как будто это было что-то священное, что могло вернуть надежду в этот бесконечный вихрь. Я увидел, как его зрачки расширяются, словно черные дыры, готовые поглотить любое подобие света, которое еще могло бы просочиться в его душу.

– Это – свобода, – прошептал он, как будто излагая таинственное заклинание.

Я взял пакетик, но понимал, что на самом деле это было нечто иное. Это было лишь временное облегчение, куш из того, что уже меня не было, и уйдя дальше я лишь опустошил то, что могло бы когда-то занять место ложной надежды. Внутри меня зарождалась борьба, но мне было наплевать. Я уже ожидал, что потеряю себя, так чем хуже?

– Они все уходят, – произнес кто-то рядом. Это была Галя – женщина с изможденными глазами, чьи плечи были согнуты под тяжестью, которую никто не мог видеть. – Все, кто думает, что спасутся.

Она смотрела на меня со смешанными чувствами – жалостью и горьким смехом. Я понимал, что её слова были правдой; влипшая в зависимость, она могла оглянуться на свою жизнь и увидеть пустоту.

– Мы все здесь, чтобы уйти, – сказала она, как будто читая мои мысли. Её взгляд просил меня о чем-то, но я не знал, чем могу помочь. Я лишь был в этом аду на равных с ней.

Музыка продолжала греметь, и я не мог удержать горечь на языке. Я ощутил, что в тот момент, когда бы я не принял решение о наркотиках, я лишь ставлю себя под страхом повторения ошибок. И всё же, когда свет начали меркнуть, а дно зала затопило новое опьянение, эта мысль начала терять свою ясность.

Я медленно раскрыл пакетик, а мир вокруг заколебался. С каждой каплей адреналина в груди звуки клубной музыки начинали отдаляться, словно я находился под водой, и единственным способом спастись стало решение погрузиться глубже. Я вспомнил листья плюща, которые растут туда, где нет света, и сейчас именно это изображало каждый момент на грани жизни и смерти.

Я заполнил горло, пропуская вздох, и почувствовал, как цвет светлой лужи охватывает меня, как бы укрепляя, как белая полоса. Но я сам себя обманывал, понимая, что настоящая подсказка – это не существование в плену, а полное ускользание от свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.